

УДК 94(497.5)

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.22

А. Ю. Перетяцько

**Стихи донских поэтов-любителей, связанные
с Ноябрьским польским восстанием 1830–1831 гг.:
подмена реальности литературными клише**

Перетяцько Артем Юрьевич

Кандидат исторических наук, заведующий научной лабораторией
Южный федеральный университет

344006, ул. Б. Садовая, 105/42, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

E-mail: artperetatko@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2779-2223

Цитирование

Перетяцько А. Ю. Стихи донских поэтов-любителей, связанные с Ноябрьским польским восстанием 1830–1831 гг.: подмена реальности литературными клише // Славянский альманах. 2026. № 1–2. С. 388–409. DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.22

Статья поступила в редакцию 01.10.2024.

Рецензирование завершено 06.03.2025.

Статья принята к публикации 17.03.2026.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Программы стратегического академического лидерства Южного федерального университета («Приоритет 2030»).

Аннотация

Статья и публикуемые исторические источники (два послания неизвестного казачьего автора, написанные в польском плену в 1831 г. и адресованные другому пленному казаку, И. С. Ульянову, а также стихотворение неизвестного донского автора о столкновении казаков с поляками при Мацержице 5-го августа 1831 г.) связаны с проблемой влияния русской поэзии XIX в. на провинциальных авторов-любителей. Как сочинения самого И. С. Ульянова, так и обращенные к нему два послания демонстрируют безусловное знакомство авторов с современной им русской литературой и активные попытки использовать характерные для нее образы, идеи и даже прямые поэтические цитаты в собственном творчестве. В то же время как раз заимствованные идеи и образы в сочинениях И. С. Ульянова и особенно в обращенных

к нему послания могли упрощаться до общих мест, причем не всегда уместных. В результате публикуемые нами стихотворения демонстрируют одну из моделей взаимодействия периферии и ядра семиосферы, в рамках которой представители периферии пытаются использовать заимствованные из ядра семиосферы наработки для описания новых и актуальных для них сюжетов, однако оказываются не способны ни адаптировать к новым сюжетам существующие идеи и образы, ни создать новые идеи и образы, и создают тексты, представляющие собой набор вторичных клише, значительная часть которых не соответствует описываемым объектам (например, казачий Дон оказывается не степным краем, а страной «пушистых гор»).

Ключевые слова

Донское казачество, любительская поэзия, польское Ноябрьское восстание 1830–1831 гг., литературные клише, подражания, И. С. Ульянов.

Публикуемые нами стихи могут быть восприняты как любопытный казус, внелитературная экзотика, интересная исключительно историей своего появления. Однако, как нам представляется, подобные тексты являются важной частью литературного процесса, которая редко исследуется. Два из них относятся ко времени романтизма, к пушкинской эпохе.

В начале Польского восстания 1830–1831 гг. были взяты в плен офицеры российской армии. В числе пленных были и донские казаки, один из которых, И. С. Ульянов, описал свое пребывание в плену в любопытных автобиографических записках¹. Отметим здесь два важных факта: во-первых, И. С. Ульянов полноценного образования не получил, а детство провел, помогая семье по хозяйству в захолустной донской станице²; во-вторых, по утверждению публикатора его записок, Х. И. Попова, они были созданы в польском плену, причем предназначались не для печати, а для сына И. С. Ульянова³. С учетом обстоятельств биографии автора и истории заметок данный текст оказывается неожиданно

1 Ульянов И. С. Записки И. С. Ульянова <Часть I> // Сборник Областного войска Донского статистического комитета. Вып. II. Новочеркасск, 1901. С. 60–95; Ульянов И. С. Записки И. С. Ульянова <Часть II> // Сборник Областного войска Донского статистического комитета. Вып. III. Новочеркасск, 1902. С. 53–81.

2 Донцы XIX века. Ростов-на-Дону, 2003. С. 480.

3 Ульянов И. С. Записки И. С. Ульянова <Часть I>... С. 60–61.

литературным, в нем много прямых поэтических цитат. Так, эпитафией служат следующие строки Е. А. Баратынского: «Страданье нужно нам! Не испытав его, нельзя понять и счастья»⁴. В дальнейшем И. С. Ульянов сопровождает свои рассуждения стихотворными иллюстрациями к ним, причем взятыми как из произведений крупнейших русских поэтов (И. А. Крылова⁵ и В. А. Жуковского⁶), так и из стихотворений поэтов второго ряда (В. И. Туманского⁷ и И. И. Козлова⁸), а то и вовсе неизвестных (некоего П...ва⁹).

Разберем один показательный и достаточно типичный пример обращения И. С. Ульянова к чужому творчеству. Донской мемуарист описывает одну из своих прогулок в плену, во время которой предаётся размышлениям о разнице между русскими и поляками и о том, что «русские живут несравненно лучше»¹⁰. Не комментируя обоснованность подобных рассуждений, отметим, что они естественны для русского, находящегося в польском плену и сопоставляющего свой прежний опыт и нынешние наблюдения. Однако во время прогулки И. С. Ульянов оказывается на кладбище, что, естественно, прерывает ход его мыслей. И кладбищенская дума И. С. Ульянова уже лишена какой-либо привязки к обстоятельствам его положения (хотя он мог быть убит в плену¹¹). Мы позволим себе привести большую часть его размышлений: «Я стоял на рубеже жизни и смерти. Кладбище находится на высоком и обрывистом берегу, из которого торчат кости и обломки гробов. Внизу Висла катит мутные и быстрые волны свои. Брег время от времени обваливается, как бы желая выказать богатые стяжания неумолимой смерти. Сколько ни бедственна, по общему гласу, жизнь наша, но грустно смотреть на следы разрушения, на сии пресмыкающиеся в прахе кости подобных нам живых существ, на сии обнаженные от волос и полуистлевшие черепы, внутри коих некогда гнездилась, может быть, непреклонная гордость или желание обладать полсветом»¹². И вслед за этим следует большой отрывок из элегии П. А. Плетнева «Гробница Державина» на ту же тему:

4 Там же. С. 60.

5 *Ульянов И. С. Записки И. С. Ульянова <Часть II>...* С. 69.

6 Там же. С. 77.

7 *Ульянов И. С. Записки И. С. Ульянова <Часть I>...* С. 83.

8 Там же. С. 83.

9 Там же. С. 62.

10 Там же. С. 92.

11 Там же. С. 83.

12 Там же. С. 93.

Страна забвения! И под моей ногой,
Как меж гробниц уединен блуждаю,
Быть может, здесь лежит протекших дней герой,
И я в сей миг героя попираю¹³.

Описывая кладбищенскую поэзию пушкинской эпохи, В. Э. Вацуро приводит любопытный эпизод. В 1818 г. ученик В. К. Кюхельбекера Н. А. Маркевич, получив от учителя элегию В. И. Туманского «Монастырь», пошутил, подменив во время чтения вторую строфу строфой из элегии К. Н. Батюшкова, что возмутило других учеников. Но такая подмена проиллюстрировала, что содержательно тексты В. И. Туманского и К. Н. Батюшкова почти идентичны. «Действительно, картина одна и та же, только стихи Батюшкова благозвучнее», – подвел итог В. К. Кюхельбекер¹⁴. Л. Я. Гинзбург выражается еще более определенно: «Элегическая поэтика – поэтика узнавания. И традиционность, принципиальная повторяемость являются одним из сильнейших ее поэтических средств»¹⁵. Иными словами, в рамках элегической поэтики начала XIX в. ассоциация кладбища с кладбищенской элегией в общих чертах предсказуемого (в определенном смысле даже канонического, апеллирующего к лучшим образцам литературы) содержания в принципе была эстетически обоснованна и доказывала принадлежность ее автора к кругу людей, разбирающихся в литературе. Однако в разбираемом нами случае есть важнейший нюанс.

Как отмечает В. Э. Вацуро, основой «элегической поэтики» пушкинской эпохи было «понятие “вкуса”, узуса, исторически и социально санкционированного словоупотребления»¹⁶. Между тем одни и те же размышления могут быть эстетически обоснованными или безвкусными в зависимости от того, кто их выражает. Герои кладбищенских элегий не были никак связаны с воинской службой; не было в этих сочинениях и мотивов гибели в бою, в то время как И. С. Ульянов был офицером воюющей армии. Соответственно, И. С. Ульянов в разбираемой нами части своего текста воспроизводил внешние атрибуты высокой культуры своего времени, не вполне понимая их внутреннюю сущность и то, в каких случаях их использование уместно. С нашей точки

13 Там же. С. 94.

14 Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры. Элегическая школа. СПб., 1994. С. 57–58.

15 Там же. С. 64.

16 Там же. С. 65.

зрения, подобные места в текстах И. С. Ульянова раскрывают определенный аспект личности автора, который, как мы писали выше, не получил полноценного образования, но явно любил русскую литературу и многократно обращался цитатам из нее. Однако с точки зрения «элегической поэтики» пушкинской эпохи И. С. Ульянов совершал ошибку в «социально санкционированном словоупотреблении», ориентируясь на внешнее сходство ситуаций, а не на их внутреннее содержание.

При этом более удачные образцы для подражания у И. С. Ульянова были, даже в жанре элегии – но не кладбищенской. Отечественная война 1812 г. породила историческую элегию¹⁷. В качестве примера таковой В. Э. Вацуро приводит два перевода «Элегии, написанной на развалинах старого горного замка» Ф. Маттисона, образный ряд которой (например, собирающиеся на войну юноши и ждущие их девы¹⁸) куда лучше соотносился с событиями Польского восстания и русско-польской войны, чем образный ряд кладбищенских элегий. При этом, разумеется, ко времени Польского восстания в русской литературе наиболее адекватной семантической моделью для военного могло служить творчество «поэта-партизана» Д. В. Давыдова («Давыдов-человек и поэтический образ “удалого гусара”, “певца героя”, созданный им, в сознании современников слились воедино»¹⁹). Однако как раз отсылки к стихотворениям Д. В. Давыдова в записках И. С. Ульянова нет, хотя Д. В. Давыдов в них фигурирует как «знаменитый партизан» и есть ссылки на его прозаические тексты с похвалами казакам²⁰.

Не анализируя столь подробно другие стихотворные цитаты И. С. Ульянова, отметим, что и они нередко на глубинном уровне не соответствуют той ситуации, которую должны иллюстрировать, при явном сходстве внешних атрибутов. Например, свои чувства в день ангела И. С. Ульянов передал так: «свинцовая грусть стеснила наболевшее сердце»²¹. При этом в данном случае казачий автор совершенно однозначно пишет, что причиной подобных эмоций был плен: «прошедшее не утешает, настоящее не радует, а будущее пугает неизвестностью»²². Но в качестве иллюстрации этого состояния он поставил совсем короткий отрывок из элегии В. И. Туманского:

17 Там же. С. 156.

18 Там же. С. 162–165.

19 Скибин С. М. Батальная лирика Д. В. Давыдова // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2021. № 1. С. 48.

20 Ульянов И. С. Записки И. С. Ульянова <Часть II> ... С. 69, 74.

21 Ульянов И. С. Записки И. С. Ульянова <Часть I> ... С. 83.

22 Там же.

...но где же ты,
Мир ненаглядный, мир прекрасный,
Зерцало горней красоты?..²³.

Эта элегия В. И. Туманского была посвящена разочарованию молодого человека, утратившего «все обольщенья юных лет». Страх перед будущим у пленного офицера, реально рискующего быть убитым, безусловно был другим чувством по сравнению с разочарованием взрослеющего поэта. И, таким образом, И. С. Ульянов снова приводил поэтическую цитату, ориентируясь в большей степени на внешнее сходство, чем на внутреннее соответствие: эта цитата описывала не то эмоциональное состояние, которое донской автор достаточно ясно отобразил в прозе, а совершенно другое.

В связи с тем же днем ангела И. С. Ульянов решал вверить себя «тайному промыслу» и иллюстрировал это несколько удачнее, цитатой из стихотворения И. И. Козлова «К другу Василию Андреевичу Жуковскому», которая и в оригинале служила неожиданным напоминанием о Боге после резкой смены темы:

...над нашими главами
Есть небо с вечными звездами,
А над звездами их творец²⁴.

Увы, в этом случае религиозный пафос стихотворения соответствовал тому тексту, который предшествовал ему, но противоречил уже следующему абзацу: в нем без всякого перехода описывалось, как И. С. Ульянов с друзьями распили «несколько бутылок портеру»²⁵.

Нам остается констатировать, что отношения И. С. Ульянова с русской поэзией пушкинской эпохи были весьма сложными. Он безусловно любил ее, знал и цитировал (при этом нам представляется очень важным, что цитат из более ранних авторов, например М. В. Ломоносова или Г. Р. Державина, в его тексте нет). При этом любовь к русской поэзии была частью более широких культурных интересов И. С. Ульянова: в 1820-е гг. он в принципе осваивал новую для него высокую европейскую культуру, пытаясь при этом не формально овладеть ее текстами, но понять их и культурно присвоить, соотнести чужие образы со

23 Там же.

24 Там же.

25 Там же.

своими чувствами и мыслями. В его рукописях мы нашли даже небольшой словарик, демонстрирующий этот процесс, причем, что характерно, нередко разъяснения разбираемых слов и понятий не совсем корректны. Например, Цирцея описывалась так: «Волшебница, живущая на острове, куда Улисс пристал и на ней женился» (в то время как Цирцея, согласно известной мифологии, была лишь возлюбленной Улисса, а стала позже женой его сына Телемаха)²⁶. В результате достижения европейской культуры (включая русскую поэзию) стали для И. С. Ульянова частью его актуального, регулярно используемого культурного багажа.

Однако в случае с русской поэзией это привело к крайне причудливому результату. Попытка присвоения поэтики, в том числе элегической, опирающейся на повторяемость в самой своей основе, привела к превращению этой поэтики в набор клише, своеобразных готовых семиотических блоков, «встраиваемых» И. С. Ульяновым в собственный текст в тех местах, где они казались ему уместны. Но в действительности подобные блоки оказывались уместны далеко не всегда, поскольку И. С. Ульянов не всегда считывал глубинные смыслы поэтического текста, а набор клише русской литературы 1810–1820-х гг. плохо соответствовал переживаниям плененного поляками офицера.

Два публикуемых нами стихотворения являются посланиями, обращенными к И. С. Ульянову. В них мы наблюдаем тот же феномен заимствования донскими казаками внешних клише русской поэзии начала XIX в. без понимания их логики и уместности в той или иной ситуации. Никакой реальной потребности в переписке, как прозаической, так и поэтической, русские пленники не имели: они жили в одной комнате²⁷. Однако в это время переживает расцвет жанр послания в русской поэзии²⁸. И донские авторы, если исходить из их текстов, начинают писать друг другу послания, ссылаясь на безделье, причем используя весьма легкомысленную лексику («А чтоб себя хоть чем-нибудь занять, давай же взапуски послания писать!»). И снова мы сталкиваемся с тем, что образ скучающего поэта был достаточно распространен в русской литературе начала XIX в. («феномен скуки – одна из важных тем поэтического диалога 1810-х годов»²⁹).

26 Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 243. Оп. 1. Д. 29. Л. 49.

27 Ульянов И. С. Записки И. С. Ульянова <Часть I>... С. 80.

28 Поплавская И. А. Формирование теории жанра послания в русской эстетике и критике // Проблемы метода и жанра. Вып. 13. Томск, 1986. С. 104.

29 Проданик Н. В. Русская лирика золотого века: диалоги поэтов о скуке и книгах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 5 (35). Ч. I. С. 144.

Однако в данном случае этот образ не только оказывается литературным клише, но это клише еще и совершенно не соответствует исторически и социально уместному словоупотреблению: оно применяется для характеристики людей, которые, согласно запискам И. С. Ульянова, с тщанием и желанием предаются «первоначальным занятиям в риторике», к тому же находясь в опасном для жизни польском плену³⁰. При этом у более опытного или талантливого автора скука от безделья могла бы выступить тяжким следствием плена, приобретая трагические, а не легкомысленные коннотации. И. С. Ульянов, кстати, смог выразить подобные эмоции от плена в прозе («свинцовая грусть стеснила наболевшее сердце»). Однако в публикуемых стихотворениях легкомысленная лексика («взапуски послания писать») убивает всякий трагизм действительно тяжелейшей ситуации, в которой находятся как автор, так и адресат послания.

Содержательно послания состоят из заимствованных из русской поэзии начала XIX в. семиотических блоков, которые, однако, не должны так сочетаться с точки зрения хорошего вкуса эпохи. Прежде всего, некоторые входящие в эти блоки клише оказываются искажены малограмотным автором: иногда они просто содержат ошибки («для добрых – пишешь мадригалы»), хотя очевидно, что в рамках клише о литературных жанрах мадригалы должны адресоваться не «добрым», а возлюбленной поэта), а иногда превращаются в пародию на расхожие образы русской литературы начала XIX в. («И время тяжкими крылами [...] бросает все в отрасль забвенья без возвращенья!»).

Послания русских авторов начала XIX в. предполагали определенную условность адресата, «применение к адресату одной из выработанных новой поэтической практикой литературных схем: “поэт-отшельник”, “эпикурец”, “философ”, “ленивец” и т. п.»³¹. Первое из публикуемых нами стихотворений вполне соответствует данной особенности: содержательно это послание неопытного стихотворца выдающемуся поэту. Но в данном случае выбор подобного адресата порождает комический эффект, поскольку реальным адресатом послания являлся И. С. Ульянов, необразованный донской казак, ни одного стихотворения не опубликовавший. В русской литературе того времени уже были созданы образы, которые, даже будучи

30 Ульянов И. С. Записки И. С. Ульянова <Часть II>... С. 54.

31 Протасова Н. В. Динамика развития жанра послания в русской поэзии первой трети XIX века // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. № 1 (40). С. 207.

упрощены до клише, гораздо лучше подошли бы к нему: образы «воина» или «поэта-отшельника». Однако неизвестный автор, прочтя некое стихотворение И. С. Ульянова («Любимец Муз! Любимец и людей! Ты лирою своей все чувства сердца известил!»), немедленно использовал самое очевидное, но в реальности неподходящее для его адресата клише выдающегося поэта. Еще примечательнее характеристика И. С. Ульянова как поэта, созданная в этом стихотворении: она построена на перечислении клишированных описаний жанров, часть из которых даже подчеркнута, словно автор выполнял формальную задачу – показать, что знает их все.

Интереснее второе послание, которое композиционно состоит из нескольких смысловых блоков, каждый из которых посвящен тематике, популярной в русской поэзии начала XIX в., но при этом эти блоки не только предельно клишированы, но и плохо сочетаются друг с другом. За жалобами на бренность бытия («все в сем мире исчезает!») следуют описания пустоты существования («мы ловим жадными руками пустого мира суеты»), за которыми идет хвала памяти о прошлом («дума прежних лет как нечто чудное, святое в душе у нас всегда живет»), а завершается стихотворение настоящим панегириком родному Дону («скажи, когда без содроганья ты вспомнил родину свою?»). Возможно, более опытный автор смог бы связать эти сюжеты воедино, но в конкретном тексте части просто противоречат друг другу без преодоления этого противоречия (сначала автор жалуется, что все гибнет, – а потом восхваляет вечно живущую память, сначала описывает бессмысленность бытия – а потом подчеркивает важность родины).

Тем не менее это послание интересно попыткой не просто использовать литературные клише, но и освоить их для описания родного Дона. К сожалению, результат снова получился комическим. Применяемый неизвестным автором основной набор клише не только был вторичен, но и совершенно не подходил к реалиям Земли Войска Донского. Так, адресату послания предлагалось плакать «при виде гор, тебе знакомых» – которых на степном Дону, увы, не было. Кстати, степь, образ которой на тот момент еще был не вполне освоен русской литературой, в послании в принципе отсутствует. Пейзаж Дона скорее соответствует Центральной России – с «пушистыми», а не снежными горами, лугами, полями и холмами, но без степей, табунов лошадей и жаркого солнца, действительно характерных для региона. Есть в тексте и совершенно неуместные на Дону того времени «мавзолеи» предков и «стрелы» неких врагов – вероятно, тоже заимствованные

из русской поэзии (в реальности набеги кочевых соседей на донские станицы прекратились в 1780-е гг.³²).

И все же именно в этой заключительной части второго послания его автор сумел хотя бы немного адаптировать клише русской литературы к своим чувствам. Очевидным свидетельством этого стало появление в тексте специфически донского героя Ермака, причем в заслуживающем внимания контексте: «дружеский табор [...] о Ермаке, о славе предков говорит». Важно, что Ермак действительно был важнейшей для донских казаков XIX в. фигурой исторической памяти, хотя в дошедших до нас свидетельствах проявления этой памяти описаны несколько иначе: «Имена Ермака и некоторых популярных атаманов еще очень свежи в памяти народной; нет зажиточного казака, в доме которого не встретилось бы изображения покорителя Сибири или других известных войсковых лиц»³³. Кроме того, нам представляется очень важным использование в послании патриотического клише: теме бренности бытия и пустоты существования оказывается противопоставлена, хотя и крайне неумело, тема патриотизма, аналогов чему в русских посланиях того времени мы не знаем – зато это соответствует патриотическим настроениям части казаков (так, И. С. Ульянов в небольшой критической статье, относящейся к 1820-м гг., считал главным в творчестве А. С. Пушкина «привязанность к событиям отеческим»³⁴).

Нам показалось логичным в дополнение к этим двум стихотворным посланиям опубликовать также стихотворение «Воспоминания 5-го августа 1831 года». К сожалению, его рукопись, найденная нами в Государственном архиве Ростовской области в фонде основателя Донского музея и собирателя редкостей Х. И. Попова, не содержит никаких пояснений ни об авторстве, ни о времени написания текста. Поэтому мы воздержимся от подробного комментария. Отметим, однако, что, при отсутствии внешнего сходства с двумя посланиями, адресованными И. С. Ульянову, это стихотворение аналогичным образом построено исключительно на адаптированных к казачьему сюжету клише из русской поэзии.

Так, хотя стихотворение посвящено подвигу донских казаков, многочисленные описания этого подвига носят предельно

32 *Номикосов С. Ф.* Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск, 1884. С. 33.

33 *Карасев А. А.* Записка князя А. М. Дондукова-Корсакова о Земле Войска Донского // Русский архив. 1896. Кн. 12. С. 574.

34 ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 12.

абстрактный характер, как правило, без привязки не только к специфической казачьей тактике, но и к войне вообще (казаки «растянулись за селеньем» «как стая быстрая орлов», а атакуют «как моря грозного валы»). Зато когда в тексте упоминается казачья лава, то ее описание дается не в пространстве стихотворения, через поэтические образы, а вне его, в примечании. Анонимный автор вводит в текст реального исторического персонажа, М. Г. Власова, ярчайшую личность донской истории: это был последний донской атаман казацкого происхождения до 1917 г., герой многих войн, участвовавший в боях от Франции до Кавказа. В знаменитой «Кавказской войне в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях» В. А. Потто он характеризуется через прямую речь казака, видевшего его во время Калусского сражения: «Я аж ахнул, когда увидел, что и сам генерал рубится с нами. Знаем мы – другого не заманишь и близко подъехать к черкесам, командует себе издалека. А этот командовать командует, а сам – маленький да широкоплечий – знай наряду с казаками работает шашкой и не одному черкесу снес голову»³⁵. Любопытно, что и в публикуемом стихотворении есть отсылка к этому сражению (что заставляет подозревать, что оно написано после издания книги В. А. Потто) – однако эта конкретная деталь вынесена в примечание. В поэтическом же тексте сколько-либо конкретный образ М. Г. Власова подменен клише старого мудрого генерала, лишённого специфически казачьих и вообще сколько-либо индивидуальных черт («воин поседельй», чья «бестрепетная длань» известна «австрийцам, галлам, туркам, шведам» – притом, что в войнах с Швецией и Австрией М. Г. Власов, насколько нам известно, не участвовал).

К этому добавим, что и описание Польского восстания в стихотворении не имеет ничего общего с реальностью, но воспроизводит стереотипный образ трусливого врага: в нем говорится, что только в августе 1831 г. «в первый раз поляк хотел противустать на чистом поле», хотя в реальности первое серьезное столкновение между армиями противоборствующих сторон, закончившееся, кстати, победой поляков, произошло еще в феврале 1831 г. под Сточеком. Да и само описание боя 5 августа 1831 г. совершенно не соответствует тому, как это небольшое столкновение показано, например, у А. К. Пузыревского³⁶. В то же время как раз подобное несоответствие реальности

35 Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. II. СПб., 1887. С. 579.

36 Пузыревский А. К. Польско-русская война 1831 г. Т. I. СПб., 1890. С. 381.

демонстрирует индивидуальность автора: она проявляется в подборе общих мест и клише, позволяющем изобразить незначительное столкновение – однако именно то, в котором отличились казаки и М. Г. Власов – первым сражением Польского восстания «в открытом поле».

Ю. М. Лотман указывал, что семиосфера делится на ядро и периферию, причем в ядре «располагаются доминирующие семиотические системы», а вот на периферии семиотические системы оказываются фрагментированы, а затем «реконструируются» (а фактически достраиваются заново)³⁷. На наш взгляд, публикуемые нами стихи демонстрируют одну из моделей взаимодействия периферии и ядра семиосферы (разумеется, далеко не единственную даже в среде донского казачества). Центр семиосферы (русская литература и поэзия в частности) в XIX в. обладал богатым набором средств для создания литературного произведения, и периферия (творчество донских казаков) пыталась этот набор понять и присвоить, тем более что между русскими поэтами и донскими казаками не было языкового различия. Однако при этом донской край как специфическое культурное пространство в это время еще не был в полной мере освоен самой русской поэзией, а на 1831 г., когда написано два публикуемых нами стихотворения, русской литературой не было разработано и литературной модели, соответствующей реальной роли автора этих стихотворений (русский офицер и польский пленник). В результате представители периферии пытались использовать наработки русской литературы для своего творчества – но их уровень образования мог быть недостаточен для адаптации существующих образов к принципиально иной ситуации, а таланта могло не хватать для конструирования новых образов, и поэтому часть созданных в итоге нарративов представляла собой набор клише, не только абсолютно вторичных, но и порой несоответствующих описываемому предмету (так, не освоенный русскими поэтами донской пейзаж описывается как хорошо знакомый русским поэтам пейзаж среднерусский – без степи, но с некими горами). В то же время сам выбор клише и попытка использовать их для описания донских деталей (например, героев – Ермака и М. Г. Власова) демонстрируют, как провинциальные авторы пытаются освоить семиотическую систему ядра, не создавая на ее базе собственной семиотической системы.

³⁷ Лотман Ю. М. О семиосфере // Лотман Ю. М. Избранные статьи в трех томах. Т. I. Таллин, 1992. С. 17.

№ 1

<Без названия>

Любимец Муз! Любимец и людей!
Ты лирою своей
Все чувства сердца известил!
Возвысил! Удивил!
И мыслию паря в туманну даль мечты
Ты доказал, что сущность суеты!
Твои стихи: и басни, и посланья,
И эпиграммы, и подражанья,
И мыслей выраженье
Душе восторг; а сердцу – утешенье.
Как солнце яркое в лугах,
Как витязь правый в небесах –
Восторг дарит собою!
Так ты своею лирой золотою
Даришь чувствительных строкою!
Кто, их прочтя, не тронется порою?
На крыльях поэзии святой
Летаешь ты кудрявою мечтой!
В край мыслей, вдохновений,
И вымыслов, и воображений!
И, как орел, кружась в облаках
То вниз опустишься, то снова в небесах!
Так ты своею лирой молодою
Раз басенкой даришь;
Поешь идиллию; порою –
С Гомером в облаках паришь
На крыльях вымысла святого;
Или, чтоб друга дорогого
В часы свободные занять,
Послание свое даешь ему читать!
Красавицам – романсы посвящаешь;
На злых – сатирую кидаешь;
За чашею вина – ты Вакха воспеваешь;
Для добрых – пишешь мадригалы;
Для выпретенных – чтобы читать престался,
Ты колку басенку в сюрпризе присылаешь;
Меня же, Автора плохого – напоказ

Ты эпиграммами закидаешь как раз!
Но я, ценя твои таланты и мечтанья,
Неопытной струной,
Из-за кулис, к тебе порой –
Твержу хоть слабое послание!
<неразборчивая подпись>

26 февраля 1831

Вольборж

ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 21–22.

№ 2

И. С. Ульянову

Благодарю тебя, Младой Поэт!
За слово доброе, за твой привет!
Ты разочарованным пером
Раскрасил мне минувши годы,
Когда попы у стоп Венериных, тайком,
Несли дань должную Природы!
Ты неприметно дал мне знать,
Что все в сем мире исчезает!...
И всяк, кто завтра думает играть,
Тот часто утром умирает!
Были народы, царства, троны,
И Августы, и Цицероны!..
Были!.. но где теперь?.. их нет!..
Так, милый друг, весь свет –
Ничто иное, как рынок иль базар,
Где каждый свой товар
Иль продает, иль покупает,
Иль выгодно меняет!
И для чего? Чтоб прибыль всю оставить для других.
Себе же что? Земли лишь шаг, четыре доски,
И дружества простого слезки,
И сожаления родных!
Что ж жизнь? С спокойствием не знаясь!
Что жить? Раз плакать, два смеяться!
Любить? На время забываться!
Все света наслаждения,
Забавы, упоенья,

Один лишь миг нас занимают,
Блеснут на миг и вмиг исчезают!
Мы ловим жадными руками
Пустого мира суеты,
Надежды, счастья и мечты!
Мы ловим их – они за нами!
Теряем их – они пред нами!
И время тяжкими крылами,
Влеча с собою веки, годы,
Царей, их царства и народы –
Бросает все в отрасль забвенья
Без возвращенья!
И лишь потомок дальний, в семье родной,
Прочтя историю, быть может, хоть порой
Почтит прах дедовский слезой,
Как мы, о родине вздыхая,
И славу оной вспоминая,
Не раз с сердечным состраданьем
Родит мечты воспоминаньем!
И дума прежних лет
Как нечто чудное, святое,
В душе у нас всегда живет!
Людей то чувство неземное!
Скажи, когда без содроганья
Ты вспомнил родину свою?
Когда слезою упованья
Не омочил ты грудь свою?
При виде гор, тебе знакомых,
Для чувств души уже не новых!
При виде рек, полей, холмов,
Кудрявых рощей и лесов?
Где гордый Дон луга родит?
Где солнце ярче золотит
Верха церковей, пушистых гор?
Где дружеский табор
За чашею вина, нередко под стрелами,
Забыв опасности, с открытыми сердцами –
О Ермаке, о славе предков говорит!
А, между тем, в истории людей –
И добродетелью, и доблестью своей

Страницы новые невидимо творит!
 Как мила даже тень нам родины святой!
 Там гробы прадедов! там их дела сокрыты!
 Там мавзолеи их, в сердцах сородичей изрыты!
 Там наша радость, счастье и покой!
 Любовь к Отечеству с пелен мы получаем,
 И пасмурных стогов за рай земной не променяем!
 Росс любит край, царя и честь!
 Другьям рука! К врагам же месть!
 Но, Милый Друг! вредить не можем мы врагам;
 Мы пленники! Что делать нам?
 Вино пенисто запивать;
 А чтоб себя хоть чем-нибудь занять,
 Давай же взапуски послания писать!
 <неразборчивая подпись>

2–14 марта 1831 г.

Вольборж

ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 23–24 об.

№ 3

Воспоминания 5-го августа 1831 года³⁸

Взошла и скрылася за облака луна,
 Нигде ни звездочки, все тучи;
 Кругом глухая тишина
 Объяла поле; лес дремучий
 Насупился и шепот притаил,
 Как бы страшась прервать покой могилы
 Недавно падших в битве воев
 Достойной смертию героев...
 За ним вдали багровой полосой
 Простерлось зарево над авангардным станом,
 И от цепи передовой,
 Расположенной над курганом,
 Порою слышится: то чуткий пырх коня,
 То сабли стук неосторожной;
 Или мелькнет против огня

³⁸ Дня, в который совершенно разбит и уничтожен польский отряд, состоящий из 2-х батальонов пехоты и 8 эскадронов кавалерии, подкрепленных 2-ми орудиями. Дело произошло неподалеку от Варшавы при с. Мациержице (*прим. авт.*).

Разъезда поиск бездорожный,
В котором два донские казака,
Вперед уставив пистолеты
И пики опустив слегка,
Высматривают все приметы
Движений хитрого врага.
Удостоверив хитрым взором
В тиши на поле боевом,
Они занялись разговором
О битве, совершенной днем.
Один из них: Ну, это дело
Одно из лучших наших дел
В сию кампанию! Тут смело
Нам в первый раз поляк хотел
Противустать на чистом поле,
Всегда скрываясь дотолле
Лишь по лесам, как дикий зверь,
Но гибель мятежу назначена судьбою!
Как будто вижу я теперь
Мятежный фронт перед собою:
Он гордо шел; сомкнутый строй
Его уланских эскадронов
На флангах двух баталионов
Казался тучей громовой.
Заманивая отступленьем
На поле далее врагов,
Мы растянулись за селеньем,
Как стая быстрая орлов,
Пред нами вождь наш, Власов смелый,
В боях воин поседелый:
Его бестрепетная длань
Не раз вела полки на брань,
Указывая путь к победам;
Австрийцам, галлам, туркам, шведам
Она известна, и Кавказ
Уж трепетал от ней не раз.
Давно брега Кубани быстрой³⁹

39 Это относится к 1821 году, в котором генерал Власов, управляя войском Черноморским, октября 3-го с четырьмястами казаков совершенно разбил

Облились кровию багристой,
Где гор отважные сыны
Им были в прах разгромлены?
И нам страшиться ли сармата?
И нам ли от него бежать?
Пусть он изведает опять
Удар казачьего булата!
Так мысля, каждый пламенел
Скорей дать пир кровавой мести
Иль умереть на поле чести;
Но мудрый вождь на все смотрел
Спокойным оком, замечая
Врага движенье, силы цель.
Вокруг нас пули так, как хмель
На новобрачных, но, питая
В груди непогасимый жар,
Врагу готовил он удар
В тиши; тот занял уж селенье
И пушечный огонь открыл,
Не зная точно наших сил.
Мы прекратили отступление
И слились каменной стеной,
Тогда нам опытный герой,
Составив лаву боевую⁴⁰
Из четырех донских полков,
Начал атаку фланговую,
В намереньи принять с боков.
Как моря грозного валы,
Вздымаясь до небес буграми,
Несутся с ревом – и скалы
Их вторят гул между горами,
Так лава быстрых казаков
Вдруг ринулася на врагов.
Готовясь к твердому отпору,
Мятежники тотчас тройной

и потопил в калуском лимане с лишком трехтысячную толпу закубанских народов, ворвавшуюся в предел войска для грабительства (*прим. авт.*).

40 Лава есть национальное выражение донских казаков; оно значит открытый фронт казачьих войск, коим они идут в атаку в одну или две линии (*прим. авт.*).

Противпоставили нам строй
И дали залпом, но не в пору
Отчаянный огонь их был,
Он больше нас воспламенил:
Напрасно яростные рвутся
Расстроить центр донских полков,
Их все усилья средь рядов
Везде бесплодно остаются,
Везде им встреча: смерть и страх!..
Меж тем в тылу на высотах
У нас уланы показались
И на пехоту их помчались,
Приняв на фронт ее; она,
Атакой быстрой смущена,
В каре колеблется, мятется,
Два раза пробует огнем
И в руки русским достается,
Не устояв пред их мечом.
Так бури яростной дыханье
В миг рушит начатое зданье,
Так Дон, разлившийся весной,
Все губит жадною волной.
Узрев пехоты поражение –
Опоры главной польских сил, –
Вся конница их, давши тыл,
Лишь в бегстве ждет себе спасенья.
Увы! напрасен их побег:
Заране зная свой успех
Казачья лава окружила
Мятежников с боков и тыла.
Что может ей противустать
В напоре одиночной схватки?
Обезоружить, разобрать
Толпы расстроенной остатки –
То было дело двух минут:
Все покорилося русской силе....

.....
.....
.....

Так днем кипела битва тут,
И вот все тихо, как в могиле,
Как будто тишины никто не нарушал...
Но что мелькнуло в отдаленье,
За лесом, там, на возвышеньи?
Между ветвей огонь струею пробежал,
То, верно, блеск ружейной вспышки.
Ждя выстрел... пики взяв подмышки,
Казаки медленной стопой
По-над опушкой потянулись,
Назад еще раз оглянулись
И скрылись в темноте ночной.

ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 765. Л. 1–7.

Источники и литература

Государственный архив Ростовской области (ГАРО).

Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры. Элегическая школа. СПб.: Наука, 1994. 240 с.

Донцы XIX века. Ростов н/Д: Новый Бизнес, 2003. 599 с.

Карасев А. А. Записка князя А. М. Дондукова-Корсакова о Земле Войска Донского // Русский архив. 1896. Кн. 12. С. 569–591.

Лотман Ю. М. О семиосфере // Лотман Ю. М. Избранные статьи в трех томах. Т. I. Таллин: Александра, 1992. 479 с.

Номикосов С. Ф. Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск: Обл. Войска Донского тип., 1884. 774 с.

Поплавская И. А. Формирование теории жанра послания в русской эстетике и критике // Проблемы метода и жанра. Вып. 13 / отв. ред. Ф. З. Канункова. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1986. С. 104–119.

Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. II. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1887. 821 с.

Проданик Н. В. Русская лирика золотого века: диалоги поэтов о скуке и книгах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 5 (35). Ч. I. С. 144–147.

Протасова Н. В. Динамика развития жанра послания в русской поэзии первой трети XIX века // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. № 1 (40). С. 204–208.

Пузыревский А. К. Польско-русская война 1831 г. Т. I. СПб.: Воен. тип., 1890. 440 с.

Скибин С. М. Батальная лирика Д. В. Давыдова // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2021. № 1. Т. 1. С. 41–49. DOI: 10.51965/2076-7919_2021_1_1_41

Ульянов И. С. Записки И. С. Ульянова <Часть I> // Сборник Областного войска Донского статистического комитета. Вып. II. Новочеркасск: Частная Донская тип., 1901. С. 60–95.

Ульянов И. С. Записки И. С. Ульянова <Часть II> // Сборник Областного войска Донского статистического комитета. Вып. III. Новочеркасск: Частная Донская тип., 1902. С. 53–81.

References

Dontsy XIX veka. Rostov-on-Don: Novyi Biznes, 2003, 599 p.

Lotman, Yu. M. “O semiosfere.” *Lotman Yu. M. Izbrannye stat'i v trekh tomakh*. Vol. I. Tallin: Aleksandra, 1992, 479 p.

Poplavskaya, I. A. “Formirovanie teorii zhanra poslaniia v russkoi estetike i kritike.” *Problemy metoda i zhanra*, Issue 13, ed. by F. Z. Kanunkova. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1986, pp. 104–119.

Prodanik, N. V. “Russkaia lirika zolotogo veka: dialogi poetov o skuke i knigakh.” *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2014, no 5 (35), part I, pp. 144–147.

Protasova, N. V. “Dinamika razvitiia zhanra poslaniia v russkoi poezii pervoi treti XIX veka.” *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta*, 2014, no 1 (40), pp. 204–208.

Skibin, S. M. “Batal'naia lirika D. V. Davydova.” *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva*, 2021, no 1, Vol. 1, pp. 41–49. DOI: 10.51965/2076-7919_2021_1_1_41

Vatsuro, V. E. *Lirika pushkinskoi pory. Elegicheskaia shkola*. St Petersburg: Nauka, 1994, 240 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.22

A. Yu. Peretyatko

Poems by Don Amateur Poets Related to the November Uprising of 1830–1831: Substituting Reality with Literary Clichés

Artyom Yu. Peretyatko

Candidate of History, head of the science laboratory

South Federal University

344006, B. Sadovaya Street 105/42, Rostov-on-Don, Russian Federation

E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2779-2223

Citation

Peretyatko A. Yu. Poems by Don Amateur Poets Related to the November Uprising of 1830–1831: Substituting Reality with Literary Clichés // *Slavic Almanac*. 2026. No 1–2. P. 388–409 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.22

Received: 01.10.2024.

Revised: 06.03.2025.

Accepted: 17.03.2026.

Acknowledgements

The research was supported by the Strategic Academic Leadership Program of the Southern Federal University (“Priority 2030”).

Abstract

This article and the accompanying historical sources — two epistles by an anonymous Cossack author written in Polish captivity in 1831 and addressed to a fellow captive, I. S. Ulyanov, and a poem by an anonymous Don author about a clash between Cossacks and Poles at Macierzysz on August 5, 1831 — examine the influence of 19th-century Russian poetry on provincial amateur writers. Both Ulyanov’s own works and the epistles addressed to him demonstrate the authors’ clear familiarity with contemporary Russian literature and their active attempts to incorporate its characteristic imagery, ideas, and direct poetic citations into their own writing. At the same time, these borrowed elements tend to be simplified into commonplaces, often applied inappropriately. Consequently, the published poems illustrate a model of interaction between the periphery and the core of the semiosphere: actors at the periphery attempt to utilize concepts from the core to describe new and relevant subjects, yet prove unable to either adapt existing imagery or create original ideas. The resulting texts consist of secondary clichés, many of which do not correspond to the reality described (for example, the Don steppe is depicted as a land of “fluffy mountains”).

Keywords

Don Cossacks, amateur poetry, November Uprising of 1830–1831, literary clichés, imitations, I. S. Ulyanov.